

Прием использования в адаптированном варианте известного литературного сюжета или героя в создании драматургии эстрадного номера очень продуктивен. И чем известнее, чем популярнее персонаж — тем лучше. Название этого литературного или фольклорного произведения желательно выносить уже в название номера.

Когда номер объявляется, зритель моментально настроивается на нужную волну восприятия, ему не нужно время на призывание к какому-то новому герою: он сразу понимает — смешной он или грустный, умный или дурашливый, ловкий или неуклюжий.

Более того, известный персонаж сразу, одним своим появлением, определяет очень многое из круга предлагаемых обстоятельств. Эти обстоятельства зритель сам в одну секунду себе воображает, начинает работать так называемая неконтролируемая ассоциация. Скажите «Левша» — в вашем воображении сразу же предстает кузница и ковка блохи, скажите «Илья-Муромец» — и вы сразу же представите русского богатыря (становится возможным оправдание силовых трюков) и т. д. Факт этот очень важен для создания драматургии эстрадного номера, так как дает возможность до минимума сократить экспозиционную часть: кто, где, когда действует, национальная и социальная принадлежность героя, черты его характера — все становится понятным для зрителя буквально в один момент. Все это не нужно задавать драматургически, зритель сам быстро «вытягивает» весь этот круг предлагаемых обстоятельств из своей образной памяти.

Конечно, все это не говорит о том, что в номере невозможно создание какого-то нового героя. Но чаще всего, когда артист (сам или с помощью режиссера) находит удачный образ, то этот образ, ставший уже эстрадной маской, начинает «кочевать» из номера в номер, из роли в роль: чаплинский Бродяга, подлинский Грустный клоун, никулинский Балбес (имя это он получил в кино, но сама маска была создана в клоунских антре) и т. д.

Практика показывает, что литературный материал, как правило, сильно изменяется, когда сценарий превращается в номер.

В качестве примера можно привести номер Л. Енгибарова «Микрофон»:

74

«Созданию репризы „Микрофон“, — пишет С. Макаров, — предшествовало рождение литературной миниатюры „Однажды микрофон, обыкновенный микрофон, ужасно загордился. Он стал помечать даже своим шнуром, динамиками, подставками. Он стал невыносимо заносчив. «Что такое человек без меня? — рассуждал микрофон. — Не может обойтись без меня никто — ни певца, ни комментатор, ни космонавт! Это я — микрофон — разношу их голоса по планете“. И тогда человек стал часто и надолго выключать микрофон, и тот сделался скромнее — понял: совсем не обязательно человеку пользоваться им все время. Больше того, — самые главные слова человек всегда будет говорить без микрофона. Какие именно? Ну, например, „Я вас люблю“».

Написав эту миниатюру, Енгибаров стал обдумывать, как можно изложить на бумаге перенести на манеж. Случай поторопил его. Как-то коверному пришлось срочно заполнить непредвиденную паузу в представлении. Тут он увидел микрофон, лежащий на барьере. Клоун взял его в руки и стал произносить зажатительно. Речь его, однако, никто не услышал. Клоун не мог понять, почему это происходит. Видно он обнаружил, что наступил ногой на шнур, видимо, это мешало звуку проходить в микрофон. Клоун снял со шнура ногу, и тогда аппарат включился. Дня вставал в позу запявского оратора, намереваясь произнести темперментную речь, но тут его охватывала робость. И хотя он шевелил губами, но слов не было слышно. Растерянно озираясь по сторонам, он призывал на помощь ведущего. Тот подбадривал клоуна жестами. Как бы в оправдание, артист прикладывал микрофон к сердцу, и на весь цирк раздавались его громкие удары: „Тук-тук-тук“. Для сравнения он пододвинул микрофон к груди ведущего: на сей раз были слышны тяжеловесные удары: „бум-бум-бум“. Причем после каждого удара наступала томительная пауза. В эти секунды клоун с ужасом смотрел на ведущего, будто сию минуту он должен с ним расстаться навсегда. Сердце инспектора манежа билось все медленнее и медленнее. По мере того как микрофон сползал с груди на живот, звук пропадал вовсе. Клоун в панике метался вокруг еще живого, но с остановившимся сердцем ведущего. Он прислушивался, затем микрофоном прослушивал все части его тела, надеясь обнаружить признаки пульсирующего сердца. Клоун шупал голову ведущего, заглядывал в глаза. Отчаявшись, начал всхлипывать и переходил на рыдания. Ведущий, с улыбкой наблюдавший за комиком, предлагал ему приложить микрофон к левой части своей груди. И когда клоун исполнил его просьбу, то приходил в неописуемый восторг: Сердце оказывалось на месте. Оно билось, как прежде, размеренно и громко.

Как видим, не все изложенное на бумаге удалось перенести на манеж, но, что важно, была сохранена авторская позиция и заволнованно-ироническая интонация»⁶.

75